

ББК 80.7
УДК 8.085.4

П.П. Лобас

**МАНИПУЛИРОВАНИЕ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ТЕМАТИКИ)**

В статье предпринимается попытка, исходя из трех аспектов языка – семантики, синтактики и прагматики – и принимая во внимание, что прагматика – это как раз то, что меняется, когда прием из манипулятивного становится общественно продуктивным, рассмотреть манипулирование в политическом дискурсе, опираясь на материал текстов общественно-политической тематики.

Ключевые слова: *манипулирование, убеждение, политический дискурс, экология языка, риторика.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2015-4-90-98

Лобас Павел Павлович – канд. филол. наук, преподаватель кафедры теории и практики немецкого языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 245-48-31, 8-904-500-87-07
E-mail: lpawel.20@bk.ru

© Лобас П.П., 2015.

О политическом дискурсе многие авторы говорят как о самом манипулятивном [Бобырева; Васильев; Паршина; и др.]. П.А. Федорищенко называет манипулирование технологией власти: манипулирование – «это часть технологии власти, а не воздействие на поведение друга или партнера» [Федорищенко, с. 113]. Е.И. Шейгал [Шейгал, с. 52] считает манипулятивность его естественной чертой, не давая ей никакой оценки. Противоположной точки зрения придерживается Г.Г. Хазагеров, считающий манипулирование деструктивным для политической риторики и пагубным прежде всего для самой власти [Хазагеров, с. 32]. Это мнение поддержано в недавно вышедшей монографии И.В. Беляевой [Беляева].

Если риторику уверенно связывают со становлением античной демократии (см., например: [Корнилова, с. 14]), то о манипулировании говорят прежде всего в связи с тоталитаризмом двадцатого века. Как правило, исследователи осуждают манипулирование в тоталитарном политическом дискурсе [Вежбицка; Купина; Лассан и многие др.]. Однако при этом прослеживается тенденция считать любой политический дискурс манипулятивным, отмечая в обычной политической речи приемы, знакомые по тоталитарному дискурсу и абсолютизируя «язык власти», что особенно свойственно западным ученым и интеллектуалам «левого» толка [Блакар; Бурдые и др.]. Это выглядит достаточно дезориентирующе, так как не позволяет провести грань между конструктивным и деструктивным

воздействием на коммуникативное поле. Критерием здесь, по-видимому, должны быть соображения экологии языка, соображения, касающиеся языкового состояния в целом.

Среди шести подходов к исследованию политической коммуникации выделяют и экологический подход [Meadow, p. 24; Шейгал, с. 9], когда политическую коммуникацию исследуют с точки зрения влияния на нее политической системы. С нашей точки зрения, можно говорить и о влиянии самой коммуникации на культурно-языковую ситуацию в обществе.

Идеи экологии языка стали популярными в конце двадцатого века [Данеш, Чмейркова; Naugen; и др.]. Они подкрепляются одобренной международными организациями концепцией устойчивого развития [Барлыбаев] и поддержания культурного разнообразия. В упомянутой монографии И.В. Беляевой отрицательная оценка манипулирования дана именно с позиции экологии языка. Близка к этому и мысль Г.Г. Хазагерова, предложившего различать дальнюю и ближнюю прагматику говорящих [Хазагеров], т.е. те цели высказывания, которые целиком замыкаются в данном речевом акте, и те, которые отвечают поддержанию коммуникативного пространства в целом, понимаемого как общее благо всех дискурсантов.

Манипулирование деструктивно постольку, поскольку его применение ведет к деградации коммуникативного пространства. Его развитие в таком случае принимает неустойчивый характер: желаемый эффект достигается за счет обеднения коммуникации, и также страдает и культурное многообразие. Таким образом, возникает хорошо известная в экологии ситуация: достижение сиюминутной выгоды ценой разрушения системы [Хазагеров, с. 11–13].

Ясно, что в тоталитарном дискурсе, где манипулирование достигает высокой степени и где отсутствуют компенсаторные механизмы и возможность обратиться к независимым источникам информации, манипулирование может привести к культурной экологической катастрофе: разрушается обратная связь власти и общества, многие социальные проблемы просто выпадают из общественного рассмотрения, потому что навязанное мифологическое мышление мешает их заметить и т.д. Если же речь идет об обычном политическом дискурсе в демократическом государстве, то манипулирование должно быть просто минимизировано исходя из тех же экологических потребностей, причем возможность минимизации всегда существует [Беляева, с. 133; 143].

Одним из отрицательных последствий манипулирования для экологии языка является смысловая неопределенность политического дискурса [Teichmann]. С точки зрения С.Г. Кара-Мурзы, «язык стал таким, что политик может полчаса гладко говорить, но после этого невозможно кратко повторить основное содержание его речи» [Кара-Мурза, с. 320]. В функциональном плане неопределенность может толковаться как дисфункция, приводящая к утрате реципиентом речи ориентации в общественно-политическом пространстве. В семантическом отношении

это явление напоминает так называемые заумные стихи, или «заумь» [ЛЭТП, с. 277].

Подобная языковая ситуация наступает в связи с перенесением в дискурсе (в данном случае политическом) центра тяжести с информативности на фатику [Гудков].

Изучая судьбы политической терминологии в советском дискурсе, Д.М. Фельдман высказывает следующее замечание: «Схема [предложенная для разъяснения понятия «культ личности»] не для понимания предлагалась. Наоборот, понимание сути политических событий надлежало заменить распознаванием знакомых элементов схемы» [Фельдман, с. 15]. Как и в заумных стихах, политическая речь перестает называть внешние референты реального мира и замыкается на себе самой.

Идеологическую заумь вызывает к жизни запрос на манипулирование, на желание отвлечь внимание реципиентов политической речи от острых социальных и политических проблем [Штайн]. А это в свою очередь ведет к деградации коммуникативного пространства, когда у дискурсантов не хватает когнитивных инструментов для понимания реальной ситуации. Такой дискурс нуждается в реабилитации, а в качестве механизма последней выступает рефлексия [Шуберт, с. 4]. Для того чтобы демонтировать манипулятивные схемы, необходим выход на метауровень и осознание носителями языка его свойств. В частности, это касается концептуальных метафор как наиболее мощного способа мифологизации действительности.

Феномен управления вниманием реципиента речи описан в лингвистической литературе в рамках двух совершенно разных подходов. В стилистике декодирования управление вниманием рассматривается с позиции теории выдвижения: автор сообщения прибегает к специальным средствам выделения главного в тексте (выдвижение), чтобы этим облегчить реципиенту задачу понимания всего целого [Арнольд]. Совершенно иной подход к управлению вниманием наблюдается в теории манипулирования, где речь идет либо о привлечении повышенного внимания к адресанту речи и «привязывании одного человека – объекта манипуляции – к другому – манипулятору» [Осипова, с. 26], либо о фокусировании внимания реципиента речи на второстепенных деталях с целью отвлечь его от главного [Бредемайер, с. 103]. Следовательно, можно поставить вопрос о двух видах управления вниманием.

Управление вниманием, подчиненное задачам убеждения, неизбежно связано с ясностью. Такое управление работает на быстрое прояснение сущности всего сообщения. Это проявляется, в частности, в функциях газетных заголовков, подзаголовков и лидов. Здесь обычно решаются две задачи, связанные с управлением вниманием. Первая и элементарная состоит в том, чтобы привлечь внимание адресата к самому сообщению и удержать это внимание (Stang, S. 69). Вторая – в том, чтобы сфокусировать внимание на главных положениях предлагаемого текста. Таковы самые обычные заголовки, называющие тему сообщения и выраженные как номинативными, так и двусоставными предложениями:

Ministerpräsident in der Serbischen Republik gewählt [Spiegel, 22, 2002], *Среди погибших ищут террористов* [Карелин].

Такие заголовки не отличаются экспрессией сами по себе, однако служат надежным ключом к вычленению смыслового ядра текста, т. е. фокусируют внимание читателя на главном. Причем далеко не всегда заметки, озаглавленные подобным образом, являются монотемными, лишь конкретизирующими заголовок. Напротив, часто ключевая тема выступает как контекст событий, так что вынесение ее в заголовок заведомо служит целям выдвижения. Так обстоит дело и с приведенными заголовками.

Иначе выглядит управление вниманием, подчиненное целям манипулирования, где стоит задача формирования желательных и блокирования нежелательных ассоциаций [Иссерс, с. 10], что обычно достигается через номинативные единицы [Hahn, S. 65]. Некоторые авторы даже отождествляют такой вид манипуляции с ложью [Цуладзе, с. 120].

Само по себе «вбрасывание» нового аспекта в развитие какой-то темы, скажем, в сюжет предвыборной кампании, еще не есть манипулирование. Все зависит от того, насколько введение темы обосновано открыто сформулированными логическими доводами, а насколько оно продиктовано популизмом. Однако во всех случаях это уже не выдвижение как таковое, а высказывание, потенциально связанное с манипулированием.

Скажем, заглавие *SPD schweigt zu Atomkraft-Plänen* [Spiegel, 24, 2002], не столько ориентирует в тексте заметки, сколько фокусирует внимание на одном из аспектов предвыборной кампании, связанном с обсуждением или замалчиванием проблемы остановки атомных станций. Сама возможность поднимать или нет данную тему, не обосновывая то или другое логически, потенциально говорит о возможности манипулировать. Еще ясней обстоит дело с заголовком *Бюджет обновил нефтяную иглу* [Топалов]. Заголовок предназначен не для того, чтобы сориентировать в основном тексте. Его цель – анонсировать тему нефтяной зависимости, появление которой облигаторно не было связано с информацией о повышении цен на нефть, чему посвящена заметка.

Манипулирование, следовательно, может состоять в подключении к развитию темы нужного (выгодного) адресанту речи аспекта при намеренном умалчивании о других аспектах. Эти случаи легко отличить от управления вниманием реципиента, что необходимо при развертывании длинного текста, как это происходит в случае применения принципа выдвижения. При выдвижении речь идет о расстановке внутри-текстовых акцентов с целью сделать логическую структуру текста более выпуклой. Тем самым структура доказательства выявляется, а не скрывается. Таково убеждение в судебных речах, где выдвижение подчеркивает аргументацию, но не подменяет ее.

Любопытно в этом отношении рассуждение о функции повестки дня, т. е. актуализации какой-либо темы. Е.И. Шейгал называет эту функцию функцией выдвижения [Шейгал, с. 37]. Игра темами все еще

остается недостаточно исследованной, что не позволяет провести четкую границу между манипулированием и убеждением. Ван Дейк отмечает, что при давнем функционировании такого понятия, как «общее место», «... по непонятным причинам в систематических исследованиях по лингвистике, социологии или антропологии все еще существует пробел относительно этих тематических репертуаров» [Дейк, с. 52].

Если убеждение изучается в риторике, накопившей для этой цели значительный категориальный аппарат и обладающей разветвленной номенклатурой соответствующих средств, то манипулирование изучается либо с позиций той же риторики и теории аргументации (1), либо в свете представлений о суггестии (2), либо со специальных позиций, которые можно было бы назвать теорией манипулирования (3).

Что касается первого, риторического подхода, то он, вполне естественно, сосредоточен на убеждении, манипулирования же он касается лишь постольку, поскольку дает критику некорректных способов убеждения. Этот подход оставляет лакуны, обозначенные нами выше. Самая существенная из этих лакун – это отсутствие теории, позволяющей изучать убеждающие и манипулятивные возможности средств, входящих в арсенал риторической элокуции – тропов и фигур.

Второй подход, связанный с изучением суггестии, набирает в настоящее время силу и отражен в ряде недавних работ [Морозова; Чумичева и др.]. Однако для изучения манипулирования в политическом дискурсе этому подходу не хватает тех социальных горизонтов, которыми как раз обладает риторический подход. Это, в частности, проявляется в том, что суггестивные теории не оценивают социальные риски (аспект экологии языка – отрицательное влияние манипулирования на коммуникативное пространство), связанные с широким применением внушения, хотя и рассматривают риски психологические (отрицательное воздействие манипулирования на психику реципиента).

Собственно теория манипулирования (третий подход) в законченном виде еще не построена, притом что интерес к этой теме, инициированный в советское время книгами Дж. Оруэлла, В. Клемперера, С. Московичи, остается значительным и не обнаруживает тенденции к ослаблению. Из свежих работ можно назвать монографию И.В. Беляевой [Беляева]. Пожалуй, главной помехой на пути развития этого нового направления служит сдвиг интереса к крайним проявлениям (тоталитарный дискурс) и некоторое преувеличение эффекта манипулирования. Так, мало изучен процесс неудачного манипулирования, а также процесс демонтажа манипулятивных схем под воздействием критики или общего роста культуры реципиентов речи.

Следует отметить, что тоталитарный дискурс сопряжен с такого рода экстралингвистическими факторами, которые затемняют действие манипулятивного приема в обычной культурно-языковой ситуации. Речь идет, во-первых, об изоляционизме, обеспечивающем отсутствие доступа реципиентов речи к независимым источникам информации, во-вторых, о недопустимости инакомыслия и, следовательно, о невоз-

возможности ответить аргументом на аргумент, в-третьих, об огромной мощности пропагандистского аппарата, подчиненного решению единой задачи. Некоторые виды манипулирования сильно зависят от этих факторов. Например, тоталитарный дискурс может поставить себе на службу нужную ему систему перифраз и вообще устойчивых словесных формул. В обычной же ситуации, эффективность таких перифраз будет существенно снижена тем, что они могут быть закавычены оппонентами, и тем, что в ход могут быть пущены другие перифразы, выражающие прямо противоположные коннотации. Например, при тотальной политической цензуре эффективность перифраза «*выполнение интернационального долга*» обеспечивается тем, что перифраз «*вмешательство в дела другого государства*» или «*военная интервенция*», применен к тем же политическим реалиям не может. Следовательно, один и тот же манипулятивный прием имеет совершенно разные потенции в тоталитарном и не тоталитарном дискурсе. В то же время использование топоса отдыха в рекламном дискурсе мало зависит от социально-политической обстановки в стране.

Сдвиг интереса в сторону тоталитарного дискурса, как и гипертрофированное представление об успешности манипулирования, обусловлен исторически, он связан как раз с теми первыми работами о манипулировании, которые названы выше. Перспективным, однако, следует признать изучение манипулирования, во-первых, в его повседневных проявлениях, во-вторых, с учетом его ограниченных возможностей.

Литература

Арнольд И.В. Стилистика получателя речи (стилистика декодирования) // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: С.-Петербургский ун-т, 1999.

Барлыбаев Х.А. Общая теория глобализации и устойчивого развития. М., 2003.

Беляева И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты. Ростов н/Д: СКГАГС, 2009.

Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Бобырева Е.В. Место религиозного дискурса среди других типов общения: политический и религиозный дискурс // Личность, речь и юридическая практика: межвуз. сб. науч. тр. Ростов н/Д.: Донской юр. ин-т, 2007. Вып. 10, ч. 1.

Бредемайер К. Черная риторика. Власть и магия слова: 4-е изд., перераб. М., 2006.

Бурдые П. Социология политики. М., 1993.

Васильев А.Д. Некоторые манипулятивные приемы в текстах телевизионных новостей // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. Вып. 20.

Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4.

Гудков Д.Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе // Политический дискурс в России – 2: материалы рабочего совещания. М., 1998.

Данеш Фр., Чмейркова С. Экология языка малого народа // Язык – культура – этнос. М., 1994.

- Дейк Т.А. ван, Кинч В.* Макростратегии // Дейк Т.А. ван, Кинч В. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: автореф. дис.... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1999.
- Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М., 2006.
- Карелин Д.* Среди погибших ищут террористов [Электронный ресурс]. // Газета.ru. М., 2009. URL: <http://www.gazeta.ru/social/2009/06/10/3209204.shtml> (дата обращения: 8 июля. 2015).
- Корнилова Е.Н.* Риторика – искусство убеждать. М., 1998.
- Купина Н.А.* Тоталитарный язык. Екатеринбург; Пермь, 1995.
- Лассан Э.Р.* Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та, 1995.
- ЛЭТП – Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: «Интелвак», 2001.
- Морозова О.Н.* Дискурс согласия в диалогическом пространстве. М., 2005.
- Осипова А.А.* Манипуляции в общении и их нейтрализация: умей сказать «нет!»: 2-е изд. Ростов н/Д., 2006.
- Паршина О.Н.* Российская политическая речь // Теория и практика / под ред. О.Б. Сиротининой: 2-е изд., испр. и доп. М., 2007.
- Топалов А.* Бюджет обновил нефтяную иглу [Электронный ресурс]. // Газета.ru М., 2009. URL: <http://www.gazeta.ru/financial/2009/06/10/3209190.shtml> (дата обращения: 8 июля 2015).
- Федорищенко П.А.* Роль СМИ в манипуляции политическим сознанием // Проблема человека в гуманитарном знании: сб. науч. тр. Ростов н/Д, 2004.
- Фельдман Д.М.* Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: Изд-во Российского гос. гуманитарного ун-та, 2006.
- Хаззагерев Г.Г.* Партия, власть и риторика. М., 2006.
- Цуладзе А.М.* Политические манипуляции, или покорение толпы. М., 1999.
- Чумичева Н.В.* Копирайтинг и рекламная суггестия: алгоритмизация творчества: автореф. дис.... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2009.
- Шейгал Е.И.* Семантика политического дискурса. М., 2004.
- Штайн К.Э.* Заумь идеологического дискурса в свете лингвистической относительности // Текст. Узоры ковра. Актуальные проблемы исследования разных типов текста. СПб.; Ставрополь, 1999. Ч. 2.
- Шуберт Э.Э.* Дискурсные единицы, уровни, приемы и принципы речевого воздействия в когнитивном аспекте: автореф. дис.... канд. филол. наук. Краснодар, 2006.
- Hahn D.F.* Political Communication: Rhetoric, Government and Citizens. State College (Pennsylvania): Strata Publishing Inc., 1998.
- Haugen E.* Ecology of Language. Stanford: Stanford University Press, 1972.
- Meadow R.G.* Politics as Communication. Norwood: Ablex Publ. Co, 1980.
- Stang K.* Grundlagen der Literatur und Werbertheorie. Kassel, 1987.
- Teichmann C.* Sprachliche Ambiguität als politisches Problem // Sprache im Konflikt. Zur Rolle der Sprache in sozialen, politischen und militärischen Auseinandersetzungen. Berlin; New York, 1995.

References

- Arnol'd I.V. Stilistika poluchatelya rechi (stilistika dekodirovaniya) // Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'. SPb.: Sankt-Peterburgskii universitet, 1999.

- Barlybaev Kh.A. Obshchaya teoriya globalizatsii i ustoichivogo razvitiya. M., 2003.
- Belyaeva I.V. Fenomen rechevoi manipulyatsii: lingvoyuridicheskie aspekty. Rostov n/D: SKGAGS, 2009.
- Blakar R. Yazyk kak instrument sotsial'noi vlasti // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya. M., 1987.
- Bobyreva E.V. Mesto religioznogo diskursa sredi drugikh tipov obshcheniya: politicheskii i religiozniy diskurs // Lichnost', rech' i yuridicheskaya praktika: mezhvuzovskii sb. nauchnykh trudov. Rostov n/D.: Donskoi yuridicheskii institut, 2007. Vyp. 10, ch. 1.
- Bredemaier K. Chernaya ritorika. Vlast' i magiya slova? 4-e izd., pererabot. M., 2006.
- Burd'e P. Sotsiologiya politiki. M., 1993.
- Vasil'ev A.D. Nekotorye manipulyativnye priemy v tekstakh televizionnykh novosti // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg, 2006. Vyp. 20.
- Vezhbitska A. Antitotalitarnyi yazyk v Pol'she: mekhanizmy yazykovoi samooborony // Voprosy yazykoznaneya. 1993. № 4.
- Gudkov D.B. Ritualy i pretsedenty v politicheskom diskurse // Politicheskii diskurs v Rossii – 2: Materialy rabocheho soveshchaniya. M., 1998.
- Danesh Fr., Chmeirkova S. Ekologiya yazyka malogo naroda // Yazyk – kul'tura – etnos. M., 1994.
- Deik T.A. van, Kinch V. Makrostrategii // T.A. Van Deik, V. Kinch. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. Blagoveshchensk, 2000.
- Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi: avtoref. dis... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg, 1999.
- Kara-Murza S.G. Manipulyatsiya soznaniem. M., 2006.
- Karelin D. Sredi pogibshikh ishchut terroristov [Elektronnyi resurs]. // Gazeta. ru. M., 2009. URL: <http://www.gazeta.ru/social/2009/06/10/3209204.shtml> (data obrashcheniya 8 iyulya 2015).
- Kornilova E.N. Ritorika – iskusstvo ubezhdat'. M., 1998.
- Kupina N.A. Totalitarnyi yazyk. Ekaterinburg; Perm', 1995.
- Lassan E.R. Diskurs vlasti i inakomysliya v SSSR: kognitivno-ritoricheskii analiz. Vil'nyus: Izd-vo Vil'nyusskogo universiteta, 1995.
- LETP – Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii / gl. red. i sost. A.N. Nikolyukin. M.: «Intelvak», 2001.
- Morozova O.N. Diskurs soglasiya v dialogicheskom prostranstve. M., 2005.
- Osipova A.A. Manipulyatsii v obshchenii i ikh neutralizatsiya: imei skazat' «net!»? 2-e izd. Rostov n/D., 2006.
- Parshina O.N. Rossiiskaya politicheskaya rech' // Teoriya i praktika / pod red. O.B. Sirotininoi: 2-e izd., ispr. i dop. M., 2007.
- Topalov A. Byudzhel obnovil neftyanuyu iglu [Elektronnyi resurs]. // Gazeta. ru. M., 2009. URL: <http://www.gazeta.ru/finansial/2009/06/10/3209190.shtml> (data obrashcheniya: 8 iyulya 2015).
- Fedorishchenko P.A. Rol' SMI v manipulyatsii politicheskim soznaniem // Problema cheloveka v gumanitarnom znani: sb. nauch. trudov. Rostov n/D, 2004.
- Fel'dman D.M. Terminologiya vlasti. Sovetskie politicheskie terminy v istoriko-kul'turnom kontekste. M.: Izd-vo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2006.
- Khazagerov G.G. Partiya, vlast' i ritorika. M., 2006.
- Tsuladze A.M. Politicheskie manipulyatsii, ili pokorenie tolpy. M., 1999.

Chumicheva N.V. Kopiraiting i reklamnaya suggestiya: algoritimizatsiya tvorchestva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov n/D., 2009.

Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. M., 2004.

Shtain K.E. Zaum' ideologicheskogo diskursa v svete lingvisticheskoi otноситel'nosti // Tekst. Uzory kovra. Aktual'nye problemy issledovaniya raznykh tipov teksta. SPb.; Stavropol', 1999. Ch. 2.

Shubert E.E. Diskursnye edinitsy, urovni, priemy i printsipy rechevogo vozdeistviya v kognitivnom aspekte: avtoref. dis.... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2006.

Hahn D.F. Political Communication: Rhetoric, Government and Citizens. State College (Pennsylvania): Strata Publishing Inc., 1998.

Haugen E. Ecology of Language. Stanford: Stanford University Press, 1972.

Meadow R.G. Politics as Communucation. Norwood: Ablex Publ. Co, 1980.

Stang K. Grundlagen der Literatur und Werbertheorie. Kassel, 1987.

Teichmann C. Sprachliche Ambiguität als politisches Problem // Sprache im Konflikt. Zur Rolle der Sprache in sozialen, politischen und militärischen Auseinandersetzungen. Berlin; New York, 1995.

Lobas P.P. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Manipulation in political discourse (on the basis of social and political texts)

In this paper an attempt is made to consider manipulation in political discourse, based on the material texts socio-political themes on the basis of the three aspects of the language – semantics, syntactic and pragmatic – taking into account that the pragmatist is exactly what changes when the reception of the manipulation becomes socially productive.

Key words: *manipulation, persuasion, political discourse, ecology of language, rhetoric.*

Lobas Pavel Pavlovich – lecturer of the theory and practice of the German language dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication. Southern Federal University. Ph.:: 245-48-31, 8-904-500-87-07